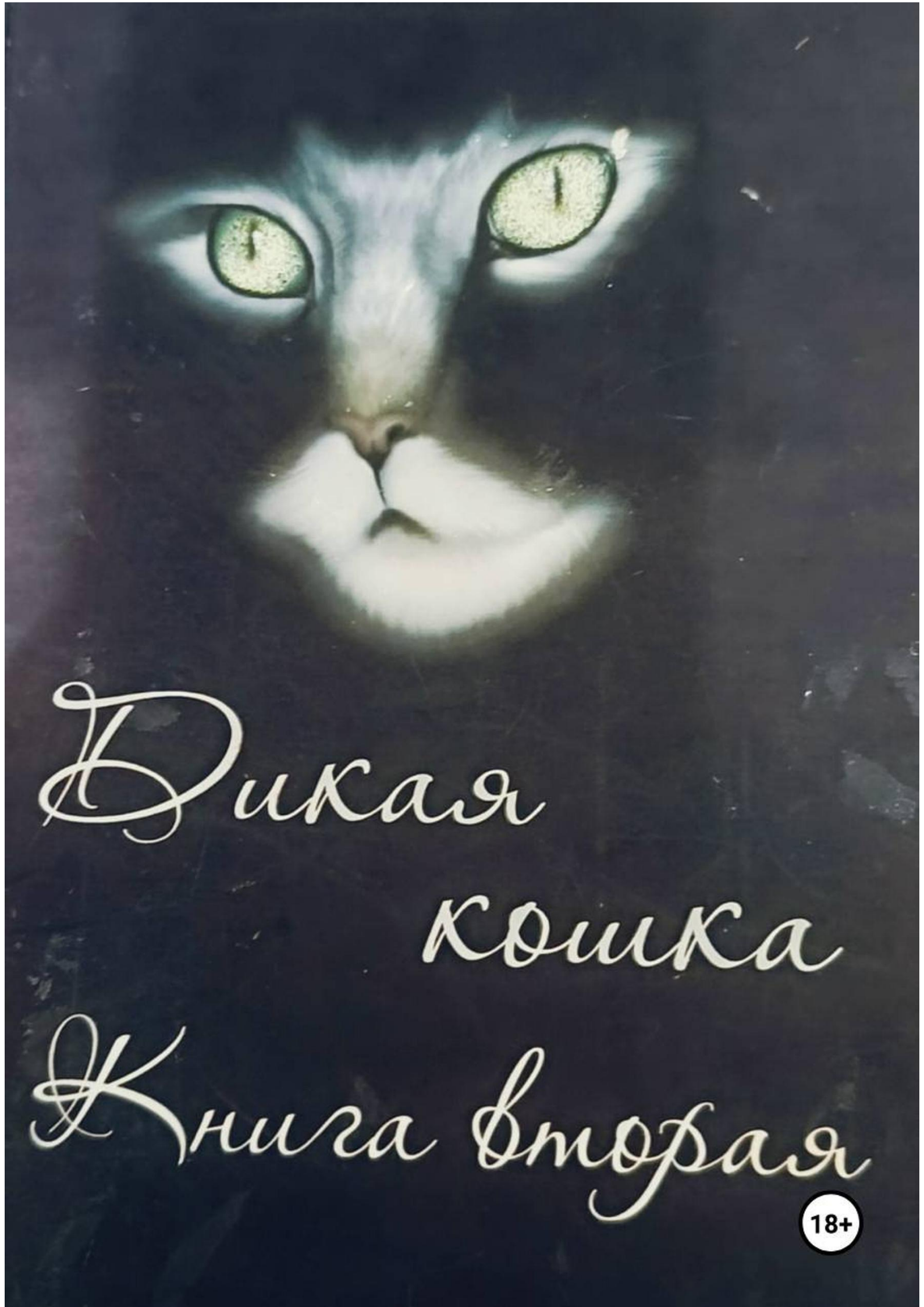

Дикая кошка
Книга вторая
18+

Надежда Ходыкина(Захарова)

Дикая кошка. Том 2

«Автор»
2026

Ходыкина(Захарова) Н. И.

Дикая кошка. Том 2 / Н. И. Ходыкина(Захарова) — «Автор», 2026

В романе-саге «Дикая кошка» автор показывает, что стойкость, трудолюбие и нравственные устои семьи Семеровых не просто передаются по наследству — они помогают им оставаться собой даже в переломные эпохи. Через их испытания читатель видит, как менялась Россия: послевоенное восстановление, оттепель, перестройка, современные вызовы. Таким образом, личная сага становится способом осмысления национальной истории. «Дикая кошка» - это крик, зов к человеку, призыв к лучшему в человеке.автор

© Ходыкина(Захарова) Н. И., 2026
© Автор, 2026

Дикая кошка. Том 2

В романе-саге «Дикая кошка» автор показывает, что стойкость, трудолюбие и нравственные устои семьи Семеровых не просто передаются по наследству — они помогают им оставаться собой даже в переломные эпохи. Через их испытания читатель видит, как менялась Россия: послевоенное восстановление, оттепель, перестройка, современные вызовы. Таким образом, личная сага становится способом осмысления национальной истории. «Дикая кошка» - это крик, зов к человеку, призыв к лучшему в человеке.

автор

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1.

Татьяна смотрела на удаляющегося от нее своего брата Сергея и вспоминала начало зарождения у него алчности, перебирая в памяти шаг за шагом всю его и свою жизнь. Она закончила восемь классов, когда брат вернулся из армии. Тогда он катал ее на велосипеде, старался уберечь от тяжелой работы, подарил туфельки. А самое главное - сердечно ей говорил:

- Голубушка, тебе нужно хорошо есть, ты очень маленькая и худенькая.

- Были бы кости, а мясо нарастет, - отвечала ему она.

А потом как будто подменили ее любимого брата Сережу. Его любовь к деньгам проявилась после смерти отца, когда дети, похоронив отца, разъехались по домам, с матерью остался лишь Сергей.

- Мама, думаю тебе лучше переехать к Татьяне, она сможет обеспечить твою счастливую старость. Я же последний из сыновей и прямой наследник отца, продам дом, выделю определенную сумму денег на твое содержание, а оставшиеся деньги причитаются мне.

- А твоим братьям и сестрам?

- Остальным? Они и так у тебя нахлебниками были всю жизнь…

Мария Петровна смотрела на взрослого негодующего сына, а в глазах стоял плачущий маленький Сережа, потом валяющийся на полу из-за неполной кружки молока, которое она делила поровну между детьми.

Старшим наливала в маленькие кружки, а детворе в большие, чтобы не пролили. Сережа, заглянув в свою большую, но не полную кружку, падал на пол, бился головой, руками и ногами, кричал:

- Мало! Опять неполная кружка!

Дети, не выдержав гнева брата, отливали свою долю молока в его кружку, наполняя ее доверху. А он, довольный успехом, вставал и выпивал содержимое, забыв про слезы.

Жалея детей и боясь разбаловать Сергея, Мария Петровна стала наливать ему маленькую кружку, но полную до краев.

И вот Сергей стоял перед матерью и считал деньги за еще непроданный родительский дом, размышляя вслух:

- Пять тысяч я добавлю к своим деньгам и куплю младшему машину, а то будет упрекать, что брату купил квартиру, а ему ничего. Что ни говори, дети должны жить лучше нас…

Мать, боясь лишним словом ранить и без того разволнованного Сережу, думала: «Сыночек, зачем же тебе столько денег? Разве ты беден? Провожая твоего отца на фронт, я не имела ни гроша. Пятеро детей были моим богатством, поэтому, прощаясь с нами, отец молил Бога,

чтобы со мной ничего не случилось. Знал, если останусь в живых, сохраню вас. А я не только вас сберегла, но и удочерила шестимесячную Риту».

- Я не жалею, что вырастила семерых детей, - услышал Сергей голос до этого молчавшей матери. Только вы, да любовь твоего отца украшали мою жизнь. Я счастлива, что помогла Диме воспитать твоих сводных братьев и сестер добрыми порядочными людьми. Трудно мне было, сынок. Наработаюсь днем в поле, а вечером ждет стирка, хозяйство. И вы, как галчата, липли ко мне, и каждому я уделяла внимание. Всем шила обновки к праздникам, и мою усталость снимали вы своим радостным настроением и счастливыми лицами. Где-то проглядела я тебя, не уберегла, боясь обидеть,- со слезами на глазах, говорила Мария Петровна. Но я никого не виню. Сама виновата, что ты такой. Несчастный ты человек…и …медленно сползла со стула.

- Мама! - неожиданно для него самого вырвалось из его груди, и он бросился к матери.

…По обычаю, на второе утро дети пришли к матери, чтобы нести завтрак отцу на кладбище и были поражены, застав ее парализованной. Виктор догадался, в чем дело и вывел Сергея в коридор.

- Негодяй, что ты сделал с мамой? - крикнул он.

Сергей разгорячился:

- Я… ничего. Это вы… Никто не решился пойти замуж на тройку детей, только она оказалась сестрой милосердия.

И вот она стоит и смотрит на уходящего брата. А ведь когда-то она видела накаченное загорелое тело брата и гордилась, и восхищалась, и хотела быть похожей на него. Вскоре Сережа женился на Кате, у них родились два сына - Игорь и Эдуард. Он работал, хорошо зарабатывал, приносил деньги и если не успевал сделать сам, то контролировал, чтобы дети были обуты, одеты и сыты. Лишнюю копейку откладывал на «черный день». И чем больше становилось денег на сберкнижке, тем жаднее становился он. Сереже никогда даже в голову не приходило, чтобы всей семьей поехать на юг отдохнуть, иногда сходить в кино. Он не интересовался, почему его жена перестала улыбаться и, имея высшее образование, ушла с должности главного экономиста, став уборщицей на этом же предприятии. Его не интересовало ее моральное состояние. Его интересовали только деньги. Сережа перестал отдавать зарплату жене. Всю до копейки перечислял на свою сберкнижку. По городу и на дачу ходил пешком, чтобы не тратить деньги на проезд. Переживал, что набойки при ходьбе часто стираются, кожаные туфли рвутся, рубашка от пота приходит в негодность.

- Надо что-то менять, деньги как в трубу летят, - негодовал он.

Поменял уклад жизни, бросил выпивать, курить, подсчитал, что выгодней носить, чем питаться. После этого его всегда видели в линялых брюках, парусиновых на каучуковой подошве туфлях на босу ногу, без рубашки, а в руке - плетеная хозяйственная сетка. Сыновей Игоря и Эдуарда заставлял работать на даче, чтобы осенью было все свое: соления, варенье, овощи, фрукты, ягоды. Перед перекопкой земли Сергей выбрасывал камешки с дачи, и как молодых петушков стравливал сыновей друг с другом. Как ему казалось – вырабатывал характер у пацанов.

- Проигравший будет копать на метр больше, - говорил он сыновьям.

Дети боролись, но, несмотря на лидерство одного, они оставались дружными и копали участок земли вместе. За непослушание Сергей добавлял каждому еще по метру земли. Ребята беспрекословно выполняли любую работу. Отец бесился от того, что ему было тяжело управлять сплоченными детьми, оттого что не удалось посеять раздор между сыновьями. Всю свою злобу он вымещал на Кате.

- Мы напахались - а ты еще хлеба не купила. Иди и купи, - изгалялся он над женой.

- Сережа, я ужин приготовила, но на хлеб у меня денег нет, - сказала Катя.

- Какой же ты экономист, если не можешь вести семейный бюджет? - зло спросил он жену.

- Я давно не работаю по специальности. Не ты ли подсчитал и решил, что дешевле для семьи, если я буду работать техничкой. Сколько сэкономил ты на моей одежде? Ведь теперь и зимой, и летом на мне одно и то же - юбка и кофта. Мальчишки из школьной формы не вылезают. До обеда они в ней в школе, после обеда - в старой школьной форме, которая латана-перелатана дома. Дивану более десяти лет, пружины повылезали, того и смотри дети поранятся. Машину купил, загнал семью в материальную зависимость, а машину в гараж. Все ездил сорок километров в час, чтобы бензина меньше шло. Доездился? Не выдержало твоей глупости железо - сломалась игрушка. Ремонтировать, денег нет, жаба душит - вот и, ходишь сам пешком и детей за собой таскаешь. Зато ты герой, только ты у нас делаешь дела, только с твоим мнением все должны считаться. Думаешь, если у тебя есть деньги на сберкнижке, то и власть у тебя. Деньги над душой не властны.

Сергей встал, достал из сетки кошелек, отсчитал шестнадцать копеек, подал Игорю и сказал:

- Сгоняй-ка за хлебом.

Когда сын вышел, он заявил жене:

- Машина пусть стоит в гараже. Она хлеба не просит. Дети подрастают, еще ездить на машине будут, если я ее отремонтирую.

- Тогда продай ее, купи зимнюю одежду ребятам. Я на свои восемьдесят рублей не смогу их обуть и одеть.

- Вот, гумозница, завелась - не остановишь.

- Сережа…

- Заткнись, чтобы потом слезы не лить.

Катя вышла на балкон за луком, дав волю слезам.

- Надо потерпеть, пока подрастут мои заступники, хоть и бездушный, и властный, но детей держит в строгости. Хорошие ребята: уважительные, работящие, дружные, - размышляла она.

Вернулся из магазина Игорь, положил булку хлеба на стол, Катя налила всем по тарелке борща, на второе - подала тушеную картошку со шкварками и соленым огурцом.

- Завтра пойдем к тете Тане. У нее вдоволь мяса и колбасы наедитесь. Она лучше накормит, чем мама.

В воскресенье Сергей с сыновьями пошел в гости к маме и сестре.

По обе стороны шоссейной дороги расположилась деревня. Старые бревенчатые, а порой и мазаные глиной хаты, казались уставшими от невзгод и перенесенного времени. Продолжением ее является поселок нового типа. Современные одноэтажные кирпичные со всеми удобствами жилые строения для своих рабочих построены новым русским, Геннадием Михайловичем, который взял в аренду заброшенную землю и возродил хозяйство с романтическим названием «Заря». В лупатые окна домов, засматриваются просты полей. Дома выглядят молодыми и бодрыми, хранят уют и тепло рабочих этого большого хозяйства. Они способны снять усталость людей даже после изнурительной работы. Проезжающие с любопытством рассматривают строящийся поселок. У каждого жилища выделяются дворовые постройки. Проходя мимо можно услышать: похрюкивание поросят, мычание телят, кудахтанье кур, бойкий крик петуха, лай собаки, не дающий покоя людям.

Палисадники, обнесенные, у всех, одинаковым штакетником. Приусадебные участки все в зелени. Вдоль улицы затаились посаженные кустарники, а вот в холодные дождливые декабрьские дни бывают голые.

Над старой деревней и новым поселком, медпунктом и магазином, школой и клубом, администрацией сельского совета и церковью. Над всем многообразием: людей, построек и полей, с одной стороны, светит одно и то же солнце, идет один и тот же дождь и дует ветер. Рождаются и учатся, не покладая рук работают люди – мир живых с их памятью, болью и

любовью к миру мертвых (кладбищу) – с другой стороны шоссейной дороги, которая делит эти два мира, но неизменно ведет вглубь будущего великую, загадочную, капризную и красивую, самую богатую в мире -Россию.

Мария Петровна любовалась внуками, когда они после сытного обеда уплетали сладости и играли в машинки, подаренные Таней. Потом смотрели мультики по телевизору. К вечеру Сережа засобирался домой.

- Танюш, покорми ребят на дорожку, а то Катя может еще не приготовила ужин, мы ведь ей не сказали, когда вернемся.

Таня покормила брата и племянников, положила в пакет их игрушки, по шоколадке, бананы и сладкую газированную воду.

- Отдохнули? Помощники, расслабляться некогда - завтра опять пойдем на дачу.

- До свидания, мам,- произнес Сергей.

- До встречи, сыночек, береги Катюшу и мальчишек.

Заморосил дождь. В соседнем дворе трудились две уточки, не испытывая усталости. Они своими широкими ластами, уплотняли грязь во дворе. Первая уточка топтала землю по правую сторону, бетонной дорожки, а другая уточка по левую.

- Я свой участок притоптала,- прокрякала первая, - пожалуй, посижу, подожду, когда выглянет солнце и подсушит утрамбованную мною землю.

- Мне тоже чуть-чуть осталось,- отозвалась вторая, - и еще быстрее стала пританцовывать.

Им обеим помогала тучка, сбрасывая очередную порцию дождя.

- Посмотрите, дети, не только мы, но и уточки тоже трудятся.

- Вот еще, - сравнил, - проворчали сыновья. Мы пашем, а они топчутся.

После ухода брата с детьми Таня не нашла своих ручных часов.

- Наверное, ребята куда-то положили ,- подумала она.

Но в следующий раз Сергей приехал один, вытащил из кармана часы и сказал:

- Ребята на водосливе нашли, кто-то из отдыхающих потерял.

- Сережа, часы марки «Заря»? - уточнила Таня у брата.

- Заря, а что?

- Мои часы куда-то делись тоже марки «Заря» - сказала Таня.

Сергей вспыхнул, кровь прилила к его лицу, он сурово спросил сестру:

- Ты что, зараза, моих мальчишек в воровстве обвиняешь?

- Сережа, дети могли заиграться и положить себе в карман.

- Тань, ты что хочешь, чтобы я тебе часы отдал?

- Да ничего я не хочу. Я тебе сказала, что свои часы не могу найти.

Сергей уже ее не слышал. Бросил со всего маху часы на пол и стал топтать их ногами, приговаривая:

- Чтоб ты не разродилась, чтобы у тебя глаза повылезли при родах.

Таня замолчала. На помощь поспешили родители, они увели беременную дочь в другую комнату, а Сергея постарались успокоить, но он до хрипоты продолжал орать:

- Чтобы мои сыновья? Да я ее суку за своих детей, - развернулся, хлопнул дверью и ушел на долгие годы.

Младший сын Эдуард после одиннадцатого класса уехал учиться в Курск, женился и к родителям приезжал крайне редко.

Старший сын Игорь посещал секцию дзюдо. Вначале завоевал первенство в Железногорске, потом в области, в Москве. Стал мастером спорта по дзюдо. Игорь учился в Москве. Когда приезжал домой, не мог сходить к друзьям в свои тридцать лет, потому что отец очень боялся, что если Игорь женится, то с ним придется делить жилье. Жить вместе с детьми он не желал по причине своей скупости. Как-то без разрешения отца Игорь пришел за полночь. Открыл своим ключом дверь, не включая света, чтобы не разбудить родителей, стал раздеваться. И

вдруг в темноте кто-то ударил его кулаком в лицо. Игорь машинально нанес ответный удар нападающему на него человеку ниже пояса и услышал крик, а затем стон отца. Включил свет, вызвал врача. Сергей несколько месяцев пролежал в травматологии с переломом копчика. Катя уехала к Эдуарду нянчить внука. Игоря Сергей видеть не хотел. А родители и сестра Вера не хотели видеть Сергея, поэтому не ходили к нему в больницу. Кормила и ухаживала за братом проклятая им же голубушка Таня.

- Я его засужу, - в исступлении кричал Сергей на Игоря.

Таня, зная злобность Сергея, не перечила ему, успокаивала, как могла.

- Ты, Сережа, выздоравливай, мы потом разберемся с Игорем.

Как и обещал, после выписки из больницы, Сергей подал в суд на сына. Свидетелями Игоря были бабушка и дедушка, тетя Вера и дядя Леонид, мама, брат Эдуард и его любимая тетя Таня. Игорю дали условно. Он уехал на учебу в Москву, женился и к отцу не приезжал. Жена Сергея Катя уехала к себе на родину. Купила хатку и жила до самой смерти одна, помогая детям и внукам…

2.

Соседка Сергея Дмитриевича Наталья Егоровна хотела познакомить своего одинокого соседа с подругой Ольгой Ивановной. О встрече с Сергеем Дмитриевичем она договорилась и теперь в ожидании соседа Наталья Егоровна и Ольга Ивановна сидели на лавочке возле подъезда. Час назад должен был приехать с дачи Сергей Дмитриевич. Женщины нетерпеливо посматривали на часы.

- Может быть к родственникам зашел?- нарушая молчание,- произнесла Ольга Ивановна.

- Он ни к кому не ходит. У него одна дорога, домой. Давай еще подождем,- предложила Наталья Егоровна.

Из-за угла дома с рюкзаком за спиной, с сумками в обеих руках появился Сергей Дмитриевич. Хохотнув, сказал:

- Была бы машина, и ждать бы вам не пришлось. Сейчас приведу себя в порядок и позову Вас.

- Может сумки помочь, нести,- предложила Наталья Сергеевна:

-Свою ношу я несу сам, - сказал он и зашел в подъезд.

Наталья Егоровна посмотрела на Ольгу Ивановну, та, уловив взгляд и прочитав мысли подруги, прошептала:

- Не поздоровался. Не уж то еще долго придется ждать? Доведем дело до конца? Нам же не по двадцать лет, чтобы обижаться.

Через полчаса на балконе пятого этажа появился Сергей Дмитриевич:

- Поднимайтесь.

Женщины встали с лавочки и, не говоря ни единого слова друг другу, стали медленно преодолевать один за другим лестничные марши. Вошли в узкий коридор квартиры, сняли обувь, хозяин движением руки показал на кухню, там было чисто и уютно. Общаясь с Натальей и Ольгой, Сергей Дмитриевич достал из большого пакета горстку вишен, помыл, положил их на чистую тарелку, поставил на стол, затем, словно опомнившись, взял с тарелки вишни и опустил их в кипящую воду:

- Теперь на всех хватит, - пояснил он.

Из холодильника достал и подал Ольге Ивановне селедку.

- Почисти, разрежь вдоль спины, думаю, что половинки нам хватит, а я помою зелень.

Он отделил от большого пука лука несколько лучинок, помыл и подал Ольге Ивановне:

- Порежь.

Сам, набрав чайную ложку подсолнечного масла, полил им приготовленную, усыпанную зеленью селедку.

- У меня вчера осталась картошка.

И он положил ее на стол.

- Порежь, а я займусь огурчиком.

Помыл, почистил, выбрал семечки из семенного огурца, разложил их на бумаге, а огурец порезал на мелкие кусочки.

- Что будем пить? Водку или самогон?

- Вы хозяин, за Вами право выбора, - сконфуженно ответила Ольга Ивановна.

Сергей Дмитриевич принес чекушку самогонки, налил по стопочке:

- Свой шнапс. В этом году нагнал сто литров. Давайте выпьем, девчонки.

- За что? - спросила соседка.

- За знакомство, - ответил он.

Все выпили, закусили. Наталья Егоровна, извиняясь, сославшись, что муж скоро вернется с работы, ушла, оставив их одних.

- Сергей Дмитриевич, а где ваша жена? Дети?

- Дети?- задумавшись, переспросил он у себя. Младший живет в Москве. Профессор, преподает в академии, разведен, детей нет. Старший в Курске, женат, двое детей. Ко мне не приезжают. Некогда. Отпуск проводят на пляжах. Жена умерла. Да мы с ней только числились на бумаге супругами. Двадцать лет назад уехала к себе на родину, старший сын в деревне завел себе пасеку, а она ее охраняла. Развела хозяйство. Я редко наведывался к ней: вспахать, посадить и выкопать картошку, накосить сена, наколоть дров и завезти уголь на зиму. Я приезжал в деревню, а она в этот же день сюда помыться и сходить по врачам то зубы вставить, то сердце подлечить, она-то прописана была здесь. Как бы опомнившись от тяжелого раздумья, произнес:

- Какой я? Сама видишь, и право принятия решения за тобой.

Он налил еще по стопочке.

- Совсем забыл, компот-то готов. Наполнил в кружку и подал Ольге Ивановне.

- Сергей Дмитриевич, мне пора, да и вам после дачи необходимо отдохнуть. В душе надеялась, что он предложит ей задержаться, она искренне хотела услышать ласковое слово или какое-то предложение, но… он сказал:

- Пора так пора. Неволить не буду.

Она надела туфли и, закрывая за собой дверь, произнесла:

- До свидания, Сергей Дмитриевич.

- До свидания, - ответил он.

Между третьим и четвертым этажами ей встретилась Наталья Егоровна.

- Как прошла встреча? Что решили? - Почему не осталась на ночь?- выспрашивала она подругу.

- Не знаю, что и делать? Право выбора за мной.

- Решай!

Ольга Ивановна шла, раздумывая о будущем. В вечернем небе зародилась звезда, до которой, ей казалось, если постараться, можно дойти, как и построить совместную жизнь с Сергеем Дмитриевичем. А Сергей Дмитриевич собрал мусор и решил вынести, несмотря на позднее время.

Воспоминания Тани прервались, когда она увидела брата. Мрак, спускающийся с небес, поглощал Сергея, пряча его от людей в своих одеяниях.

Татьяна заспешила домой. Открыв дверь своей трехкомнатной квартиры, она увидела милую картину: мама сидела на краешке дивана, а первоклассник Гриша лежал на диване, положив голову на колени бабушке.

- Какое счастье видеть нежную дружбу старой бабушки и подростка. Слава Господу, что хоть у нас порядок, - подумала Таня.

- Танюш, тебе письмо пришло из юстиции. Наверное, сообщение о наследстве.

Таня взяла письмо, открыла, прочла один раз, затем второй и спросила:

- Мам, помнишь, ты говорила, что папа любил сладкое? И тебе казалось, что он втайне от тебя покупал сладости и ел? А ты знаешь, сколько у него денег на сберкнижке на сегодняшний день?

- И сколько же?

- Восемь тысяч, - сказала Таня. - Завещание написано на меня. Папа пожелал, чтобы я распорядилась деньгами и разделила их по совести между детьми и тобой.

- Доченька, выходит я грешила, думая плохо о Диме?

- Бог милосерден, он давно тебя простил, - ответила дочь матери.

Татьяна сообщила братьям и сестре, что она получила наследство от отца. Договорились встретиться в воскресенье, чтобы деньги разделить по его желанию, то есть по совести. Мама ждала всех детей, но она хорошо помнила слова Сергея:

- Я прямой наследник. Что мне причитается по закону - возьму.

В душе у Марии Петровны боролись два чувства - любовь к детям, желание видеть их, и страх перед Сергеем. В минуты ярости и гнева он был неуправляемым. Умом мать понимала, что он не прав. Но пыталась его оправдать, ссылаясь на то, что у него в юности была травма головы, которую он получил при ударе о телеграфную железобетонную сваю. Ему сделали операцию, но признаков жизни он не подавал, поэтому его вынесли в морг. В холоде он пришел в себя, его перевели в палату, завершили операцию и вылечили. Он был на пенсии по инвалидности, но всегда работал.

Леонид и Вера свою долю отдали маме.

- Возьми, Таня, - сказала Мария Петровна дочери, - четыре тысячи рублей и заплати за принадлежащие мне квадраты в твоей кооперативной квартире. И пытаясь окончательно помирить детей, пояснила: - А две тысячи положи мне на книжку на «черный» день.

Сергей взял принадлежащую ему тысячу и сказал Леониду:

- Если тебе не нужны деньги, мог бы мне отдать свою долю. Такими деньгами раскидываться я не собираюсь: за них год нужно работать.

Леонид выдохнул и сказал:

- На руках Татьяны остается мама и маленький ребенок. А у тебя деньги на уме.

Скрывая свое недовольство тем, что мать отдала деньги Тане, а не ему, первенцу, прямому наследнику, Сергей сказал:

- Мне некогда, я пошел.

И не попрощавшись, вышел, закрыв за собой дверь.

Верочка накрывала на стол. Леонид курил в коридоре, потом погасил сигарету, подсел к Марии Петровне и спросил:

- Мамашечка, а это правда, что наш Сережа родился в рубашке?

- Правда. Я ее высушила и до сих пор берегу. Может поэтому все Сергею сходит с рук. Некоторые дети действительно очень больны, но не ведут себя так распущенно, как позволяет себе он. Давайте помянем папу. Спасибо ему, что он обо всех нас думал не только при жизни, но и сегодня мы получили от него помощь.

Мария Петровна задумалась.

- О чем задумалась? - спросил ее Леонид, самый старший сын ее мужа Дмитрия.

- Леня, вспомнила о своем детстве, - сказала мать.

- У нас есть время, расскажи, - попросил ее сын.

- В мою молодость снега было намного больше. Он под напором солнца и ветра ранней весной становился ноздреватым. А в разгаре весны в ложбине из-под спрессованной толщи

снега пробивался говорливый ручеек. Пестрели поля черными латками. Жители деревни отбрасывали снег от подворий, рыли вокруг подвалов канавы для отвода талой воды. Но вода все равно заходила, и тогда вытаскивали из подвалов все, что там находилось. Сушили, а когда вода уходила опять опускали в подвал. Трудное было время, голодное. Я еще маленькая была, била соседского петуха за то, что он раскапывал у нас посаженные грядки и его хозяина Сашку, чтобы следил за курами. А мать меня, чтоб не озорничала. Отец беспокоился за меня, постоянно ей кричал:

- Дарья, не смей наказывать. Одна растет, помощи ждать не от кого, вот и не дает себя в обиду, были бы братик или сестричка… Жена учителя третьим беременна.

Мать набрасывалась на отца, а он довольный, что она оставила меня в покое, не сводил с меня глаз и думал:

- Какая же она бандитка? Добрая, отзывчивая девочка. Вон как нянчится с двухлетней Аней, дочкой учителя. Заплетает косички малышке. Нам помогает. Маленькая, а все в руках горит, любая работа нипочем.

Шли годы. К родителям пришли сваты. Отец сватовство всерьез не воспринял.

- Только шестнадцать лет. Какая из нее жена? - сказал он тогда сватам.

Парень получил отказ, но в душе у отца поселилась грусть.

- Надо же растил, растил, а она кому-то достанется, - думал он.

Потом отец свыкся с мыслью, что рано или поздно жизнь разлучит нас, и размышлял:

- Придет Машин час, улетит в другое гнездышко. Кто защитит ее? Кто пожалеет?

- Днем я работала в поле, потом до первых петухов с ребятами и девчатами водила хоровод. Пела и танцевала я лучше всех, - с гордостью произнесла Мария Петровна. Отец всегда меня ждал с улицы. Как-то ночью он услышал детский плач, затем голос учителя, твоего папы:

- Анечка, как жить- то будем без мамы?

Аня заплакала еще громче.

- Умерла, что ли? - мелькнула мысль у отца. Трое малых детей: старшему шесть, младшему три годика.

Он стал одеваться. В это время я прибежала с гулек. С порога я прокричала:

- Папа, тетя Лида при родах умерла! И, не дождавшись ответа, выскочила из хаты. Забрала тебя, Аню и Витю к себе. Уложила тебя с Аней, а сама легла спать с Витей. Так закончилась моя беззаботная юность. Я помогала Дмитрию. Купала вас, стирала, шила и штопала одежду. Много женщин желало бы стать женой твоего отца: одни сами приезжали из соседних деревень с тайным желанием познакомиться, других сватали, но всех останавливали маленькие дети. Да и сам Дмитрий не стремился к женитьбе.

Односельчанка Валентина как - то сказала:

- Измотался ты, Николаевич, с ребятами. Давай помогу воспитывать.

Чтобы не обидеть отказом, Дима обещал подумать. Однажды он постучал к нам в хату.

- Витя пропал, - дрожащим голосом произнес он.

Я, на ходу одеваясь, соскочила с печи. Все жители искали малыша. Баграми проверяли водоемы и колодцы. Осматривали каждый куст в лесу. Вити нигде не было. Стало смеркаться. Я кинулась на опушку ржаного поля, а он спит. Взяла на руки и понесла к дороге. Я ему сонному тогда шептала:

- Нашелся. Глупенький, разве можно уходить из дома такому маленькому?

Навстречу бежал Дима, ты и Аня. Ты тогда прыгал через ножку и кричал:

- Мамка Витьку нашла!

Диму ошеломило слово « мамка».

Дети называют Марию мамкой. И он стоял и смотрел на меня, как будто бы впервые увидел.

Я положила спящего Витю на руки Димы и стала у двери, чтобы уйти домой. А тут Аня стала просить меня:

- Мама, мамочка, не уходи! Живи с нами.

- Папа, вытирая слезы, умоляюще произнесла тогда Аня отцу, - пусть Мария с нами живет. Не отпускай ее.

Дима подошел ко мне:

- Маша, оставайся, будь детям мамой.

Я согласилась. Так стали мы жить вместе. Потом родила Сергея и Верочку и началась война.

За окном догорала вечерняя заря, бросая свои лучи в окна квартиры, озаряя светом надежды не только грядущие дни, но и годы.

3.

Мария Петровна после смерти мужа часто себя ловила на мысли, что она Таню любит ничуть не меньше Верочки и Сергея. Она осознала, что всегда любила ее, только Дима любил дочь так сильно, что ей не было рядом с ними места. Танина же любовь к ней на много крепче, чем у старших детей. Несмотря на доброе сердце Верочки, которая часто взрывалась и могла в грубой форме ответить маме, а то и накричать на нее.

- Танюш, сижу и думаю, а если бы у меня не было тебя и мне пришлось бы жить у Верочки? Точно, как говорил отец, летала бы каждый день по квартире в поиске пятого угла. Ты только подумай, разве это семья? Верочка, чтобы заработать больше денег, перешла бригадиром монтеров пути. А Саша совсем спился. Не работает, а на заработанные Верочкой деньги, купленные ею продукты, выносит на закуску собутыльникам. Ежедневно причем вносит, гаденыш, посильный вклад в общий котел алкашей. Володя всегда сам себе на уме, а ты не замечала, что иногда у него какая-то появляется неоправданная веселость и вызывающий кураж. Как бы он не спутался с алкашами? - сетовала Мария Петровна.

- Мам, да ты что такое говоришь? Если это так, как тебе кажется, срочно надо сообщить Верочке, - сказала Таня.

- В пятницу съезжу к ним. Вера с работы придет. Саша как всегда бывает дома выпивший. Бутылочку возьму с собой, посидим рядком да поговорим ладком, а заодно у внучка выведаю, чем дышит. Уж я-то догляжу, отчего такая веселость у него появляется, - ворчала Мария Петровна.

- Пойду, постираю белье и выкупаюсь, - вставая с дивана, сказала Таня маме.

Постирала, выкупалась, вышла из ванны и увидела мать на том же месте в той же позе.

- Мам, не переживай прежде времени, ведь это только твое предположение. Завтра поедешь, все своими глазами увидишь на месте, поговоришь со всеми. А сейчас ложись спать.

- Доченька, только таблетку от давления выпью и лягу.

На следующий день ближе к вечеру Мария Петровна засобиралась в гости к Вере. Татьяна и Гриша решили бабушке сделать сюрприз, когда та приедет от Верочки. Испекли ее любимый торт «Наполеон», чтобы они могли спокойно попить чаю и поговорить. На улице стало темно. Было около одиннадцати вечера. Татьяна и Гриша услышали, как бабушка стала открывать своим ключом замок входной двери квартиры. Затем включила в коридоре свет и увидела Татьяну и Гришу на диване в зале без света.

- Почему не спите? - спросила Мария Петровна.

- Тебя ждем, - сказал внук.

- Как съездила? - спросила Таня. - Рассказывай, не томи душу.

- Дайте водички попить, во рту пересмягло, - пожаловалась Мария Петровна.

- Бабушка, мы чай с вареньем приготовили и твой любимый торт испекли.

Мария Петровна помыла руки и села за накрытый стол.

- Эх, ребята, что мне довелось сегодня увидеть, - глубоко вздохнула и нараспев произнесла Мария Петровна.- Стучу, звоню, никто не открывает. Толкнула дверь, она не заперта. В зале на диване лежит Верочка, за столом во главе с Сашей сидят несколько женщин и мужчин. В спальне под работающий телевизор спит Володя. Принюхалась, а от него перегаром несет. Гостей выгнала. Сашу уложила спать. Сижу. Жду, когда проснется моя драгоценная дочка. Не дождалась и на свою голову решилась, побудила. Она открыла глаза, увидела меня и от страха опять закрыла.

Я ее спрашиваю:

- Что же ты творишь? Ты знаешь, что твой Володя спит пьяный в соседней комнате? А она мне спокойно говорит:

- Иди-ка, мама, к такой-то матери, и чтобы твоей ноги без приглашения в моем доме не было.

- Я ушла, - сказала Мария Петровна, - а если еще увижу ее в таком пьяном виде – убью сучку.

Но в субботу утром Вера приехала сама.

- Прости меня, мамочка, я ведь даже не догадывалась, что Володя сливает недопитое из стаканов и пьет. Спасибо, что приехала и открыла мне глаза на происходящее в моей семье. Я тебе обещаю, что пьянок в моем доме больше не будет. Моя задача удержать Володю. Он ведь в техникум поступил, ему надо учиться, а не в стопку заглядывать.

- Вера, я тебе верю. И мы с Таней тебя в беде не оставим. Сколько у тебя денег на сберкнижке?

- Тысячи три, - гордо ответила Верочка.

- Завтра я свои две тысячи и Таня – тысячу снимем и отдадим тебе. В нашем соседнем подъезде на девятом этаже продается такая же, как Танина, трехкомнатная квартира за восемь тысяч рублей в рассрочку. Шесть тысяч рублей на завтрашний день у тебя уже будет. Купим, доченька, рядом с нами тебе жилье. И за Володей будем присматривать. Даже я смогу помочь, когда вы будете на работе.

Своего жилья у Верочки и Саши не было. Жили они на съемной квартире, когда Мария Петровна предложила дочери купить жилье в их доме, Верочка, недолго думая, согласилась. Посоветоваться с мужем не представлялось возможным. Он в лучшем случае промычал бы:

- Делай, как лучше.

Володю призвали в армию. Верочка, и так экономная, затянула поясок потуже. Вернулся сын из армии в выкупленную трехкомнатную квартиру.

Выше среднего роста, кровь с молоком. Носик не носик, а произведение искусства. Пухлые, сердечком хорошо очерченные губы. Голубоглазый паренек, правильной формы, как будто поправленные в парикмахерской брови и длинные, слегка закрученные ресницы - вся эта красота обрамлялась неподдельной, скромной, обаятельной улыбкой.

- Как с картины сошедший мальчик, - говорила о внуке Мария Петровна Татьяне. Если пить не будет, имея техническое образование, устроится на любую работу, на самой лучшей девочке может жениться.

- Месяц прошел, ребята, которые пришли из армии вместе с Володей, работают, а он все пьет, как будто бы только он и служил, - произнесла Таня. Верочка скрывает и от нас, и от людей пристрастие сына к спиртному, а шило в мешке не утаишь. Видела я его с девочкой. Она из соседнего дома. Совсем недавно продавала себя и свою красоту за сто граммов водки. Вначале парни поодиночке покупали. Может, слышала, в прошлом году в подвале изнасиловали девочку то ли пять, то ли шесть подонков. Денег у них не оказалось, так они насиловали ее с устрашающим эффектом. Когда она стала отходить от пьяного угара, бесплатно не захотела делать то, чего хотели пацаны, тогда они ее избили. В суд она не подавала, получила от роди-

телей насильников деньги. Мам, представь себе, если об этом узнает Володя, особенно после свадьбы. Какой бы он алкаш не был, а жена должна быть самая лучшая.

- А я слышала, что Вера не была против его женитьбы, когда он сообщил, что хочет жениться.

- Может, возьмется за ум, - согласилась с матерью Татьяна.

На Верочкины деньги сыграли свадьбу, так как невеста оказалась из многодетной семьи, где пили все, кто в силе был держать стакан, начиная от родителей, заканчивая ее старшими братьями и сестрами. На стене висел портрет М.С.Горбачева.

- Это наш покровитель, - сказала жена Володи. - Михаил Сергеевич, процесс прошел, - поднимая стопку с водкой,- произнесла девушка.

- Тише, - сказал Володя.

- Имею право. Мишка дал демократию и гласность.

- Какая демократия, если, когда Мишка сам запил, - говорят в народе - Раиса Максимовна настояла вырезать виноградную лозу. Дожили, что мужиками командуют бабы. Довели страну: самогонки больше гонят, чем государство производит водки и вина. Сахар в магазинах с перебоями. Гуляет матушка-Россия.

Володя с женой за бесценок пропили ковры, золото, постельное белье. Холодильник Верочка отключила давно, потому что продукты, которые она приносила в дом, ими обменивались на самогонку. День, когда отец Володи получал пенсию, был большим праздником. Праздник заканчивался дракой. Сын жену бил с пристрастием, добиваясь признания и подробного объяснения ее изнасилования. Саша находился между двух огней. И однажды не дал сыну денег. Володя подошел к отцу, который лежал на кровати, крутанул ногу ему так, что сломал.

- Трудно болеть, - сказал он Тани после выписки из больницы, - надо искать выход. Выход был один - отдавать пенсию и молчать, чтобы сохранить жизнь.

После того как Володя пропивал пенсию отца, под пристальное внимание попадалась Верочкина зарплата. Пожаловаться было некому. В стране приближался политический кризис. К власти рвался Ельцин. В августе тысяча девятьсот девяносто первого года, произошел антигосударственный путч. Распад СССР, отставка Горбачева, первые президентские выборы в РСФСР и избрание президентом Ельцина.

А при Ельцине еще сильнее стало процветать самогоноварение, некоторая молодежь стала принимать таблетки, наркотики. Страна не шла, а мчалась под откос. Чтобы хоть как-то противостоять наркотикам, образовалось Содружество Независимых государств. Опустели прилавки магазинов, поэтому в стране ввели позорную, но так необходимую талонную систему. Талоны на водку, сигареты старики продавали, не отходя от магазина, поэтому Володе были нужны именно деньги. Драки с женой прекратились. Супруги объединились и делали наезды на мать. Их интересовали только деньги. В том, что сын пил, Верочка винила только себя и, молча, тянула лямку. Володя с женой пропили купленную Верой ему шапку, туфли жены загнали за бутылку водки, и когда пропивать было уже нечего, а пенсия отца не скоро, под пресс попадала Верочка.

- Дай денег, по-хорошему, требовал у нее сын.

- Нет у меня денег. Я тебе шапку купила, за квартиру заплатила, - стирая шершавой ладонью со щеки слезы, говорила мать.

Приближался вечер. Володя с женой вышли на « промысел». Рядом с домом был обнесенный высоким металлическим забором магазин. Во двор в ящиках вынесли прокисшее бутылочное пиво. Им удалось проникнуть через забор, а обратно перелезть не было сил, соседи вызвали милицию, но их отпустили. Они пришли домой. Стали искать деньги в квартире. Володя обрушился на мать, сорвал одежду, думая, что деньги при ней. Но на горе у Верочки денег не было. Вот тогда-то Татьяне и позвонил сосед по площадке, работающий в милиции и спросил:

- Татьяна Дмитриевна, ваша сестра Верочка живет в сто сороковой квартире?

- Да, а что произошло?

- У нас в милицию поступил вызов странного содержания.

- Господи, говорите, Федор Федорович, что там произошло?

- Да откуда я знаю? Написано, что сын и невестка искусали мать, потому что у той не оказалось денег.

- Спасибо, что позвонили, я бегу к ним.

Татьяна увидела уму непостижимую картину. На лестничной площадке в луже крови без сознания в одной ночной рубашке лежала Верочка. Рядом стояли врачи и милиция. Они осмотрели Верочку, и врач сказал:

- У нее слабое сердце, не вынесла такой боли – инфаркт. Будем госпитализировать. Надо решить, куда везти в травматологию или неврологию?

Когда отошли врачи в сторонку от сестры, Татьяна Дмитриевна увидела, что руки и ноги у Веры были выгрызены, как мякиш из хлеба.

- А где же сын с женой? – спросила Таня у лейтенанта милиции.

- Звонок поступил от соседей. Они сказали, что сын и невестка вышли из подъезда дома пьяные и в крови.

- А муж ее где?

- В квартире пьяный спит.

- Что же теперь будет? - спросила вновь Таня.

- Если выживет, должна написать заявление в милицию, только тогда будет рассматриваться дело, - пояснил лейтенант.

Сын и невестка домой не приходили, оставались ночевать там, где пили. Об этой страшной новости узнал старший брат Верочки Сергей. С его трезвым образом жизни такое поведение племянника не укладывалось в его голове. Он в категоричной форме, как будто бы ему не хватает воздуха, хрипло произнес:

- Вот к чему приводит любовь глупой матери. Мотоцикл? Пожалуйста. Музыкальный центр? Без проблем. Квартиру? И квартиру… и денег на водку – бери. Не оказалось денег – чуть не загрыз мать. В войну люди с голоду умирали, а подобных себе не пытались съесть.

4.

Володя заболел туберкулезом. Несколько месяцев он лежал в больнице. Ему дали группу инвалидности. Он какое-то время не пил. Верочку выписали из больницы. Она во всем винила только себя. Хорошо понимала, что Володя жив, пока трезв. Никакого заявления она на сына с невесткой писать не стала. Но надолго его не хватило. Всего несколько недель разгульной жизни - и опять больничная койка. Вера, покачиваясь в такт своим тяжелым мыслям, безмолвно смотрела на сына. Татьяна сидела у изголовья Володи и вспоминала, как старшие папины дети: Леонид, Аня, Витя - первая жена Дмитрия Николаевича Лидия умерла при родах, осталось трое детей. Самому старшему Леониду было шесть лет. Ане - четыре годика. Вите – три, Сережа, Верочка и Рита. Шестимесячную Риту Мария Петровна подобрала в лесополосе во время войны. Когда вернулся муж, они ее удочерили. Все дети собрались на мамин день рождения с мужьями и детьми. Таня училась во втором классе. Чтобы хоть чем-то отвлечь сестру от тяжелых мыслей Татьяна спросила:

- Вера, а почему ты с Сашей не развелась?

- Когда?

- Когда загулял, когда родился ребенок, а он ушел из дому и жил в трубах, не работал, пьянствовал, когда ребенка кормить было нечем или хотя бы после маминого дня рождения, когда ты уехала работать в Железногорск, а Володя остался с нами: дедушкой, бабушкой и мною.

- Не развелась? Потому, что размазня, боялась и боюсь одиночества, не хотела оставить Володю без отца. Наверное, люблю я Сашу.

И опять наступила тишина. Иногда взгляд Верочки становился туманно-безразличным, она прекращала покачиваться, и тогда из ее груди вырывался стон, который можно было сравнить с рыком зверя над раненым детенышем. Татьяна впервые видела сестру не мягкой, беспринципной, смиренно-всепрощающей, а готовой ринуться в схватку с самой смертью. Татьяна вспомнила Володю в восьмимесячном возрасте, когда Верочка привезла его в деревню. Год выдался урожайным на орехи и грибы. Орехи Мария Петровна сушила на подстилке в саду. Он подползал к орехам и маленькими ручонками разбрасывал их в разные стороны. Таня подбирала их и опять клала на одеяло. Оттащить Володю было невозможно. Вроде бы спокойный малыш, но за сделанные замечания превращался в бесенка, мог и плюнуть, и укусить, и ударить. Таня ходила в школу, а Володя был с бабушкой. В детском возрасте у него было развито «стадное» поведение. Он днями пропадал со своими ровесниками. Никого и ничего не слышал, чуть склонив голову на бок, он бежал, не обращая внимания на то, что его просили вернуться. Еще в дошкольном возрасте, когда Таня поставила его в угол за непослушание, он схватил табурет, поднял у себя над головой и закричал:

- Подрасту, я тебя убью. Поняла? Убью.

Дедушка Володи, Дмитрий Николаевич, был рядом. Он подождал, пока внук успокоится, потом спросил:

- Володя, ты Таню любишь?

- Да, дедушка, очень люблю, но она лезет ко мне, учит, уеду к маме.

- А разве мама тебя не наказывает?

- Не наказывает. Ей некогда, то она на работе, то по дому убирается, то папку пьяного обхаживает.

- А ты стараешься маме помочь?

- А она не просит меня, - ответил Володя.

- Внучек, маме тяжело, она одна содержит семью, ты хотя бы ей помогал.

- Еще чего, отец будет пить и меня гонять. Когда разведется, тогда буду помогать.

- Ты мал, чтобы маме условия ставить.

Потом, когда Дмитрий Николаевич останется с Таней наедине, скажет:

- Пропадет Верочка с ними, этот подлее отца будет.

Татьяна посмотрела на Володю. Он лежал, смежив веки, Таня вспомнила, как он ей в свои восемнадцать лет помогал сажать картошку. Он успевал поднести мешки с картошкой к участку, насыпать ее Тане в ведро, накопать лунок и закопать брошенную Таней картошку в лунку. В каждом его движении можно было видеть не вахлака, а целеустремленного, знающего дело юношу. Все понимали, что для него мать и тетя Таня, дедушка с бабушкой - самые близкие и дорогие люди, но когда в свои четырнадцать лет он впервые пришел домой пьяным, бабушка посмела его пожурить, он приказал бабушке, маме и тете сесть на кровать и не дергаться.

- Иначе вам попадет, бабье, - кричал он.

Дмитрий Николаевич сидел, молча, делая вид, что читает газету, и только после того, когда Володя поужинал и у него прошел хмель, он сказал внуку:

- Тяжело тебе будет в жизни. Водочка до хорошего тебя не доведет. Не такие умные головы из-за нее горемычной летели с плеч. И зачем это тебе надо, Володя. Водка требует средства - денег у тебя нет. Надо воровать. За воровство в лучшем случае посадят, в худшем - убьют. Пожалей мать, брось грязное дело, пока еще не втянулся.

И вот Володя лежит немощный и беспомощный. Верочка и Таня сидят у его постели, сменяя друг друга. Последняя ночь пришлась на дежурство матери. Володя был в сознании, разговаривая с мамой, сказал:

- Я видел много смертей у людей с моим заболеванием. Последние минуты больным дышать становится нечем, затем открывается кровотечение. Бог не дал детей. Проклятая водка сократила мне жизнь. Прости меня, мам, за все и за то, что оставляю тебя одну. Возьми тряпку, накрой мне лицо, а то кровью все залью. Будут люди мыть и ругать, надо хоть умереть по-человечески, жил-то я по-скотски, зажравшимся кровопивцем. Эх, если бы можно было вернуть тот день, когда я пришел из армии. Я бы…

Верочка схватила попавшееся под руку полотенце и только поднесла к лицу сына, как брызнула кровь. Сын несколько раз дернулся и затих. И потом уже при более тихих судорогах и фонтане крови прекратилось его дыхание. Померк белый свет. И с этой минуты жизнь Верочки перешла в ее существование.

Рано утром из больницы медсестра позвонила Татьяне и сообщила о смерти племянника.

- Дайте, пожалуйста, трубочку сестре, - попросила ее Таня.

- Сейчас передам, - сказала медсестра.

- Да, - еле слышно произнесла Вера.

- Сестричка, знай, что я тебя никогда не брошу.

По русскому обычаю Володю привезли домой. Отпевал его батюшка и несколько старух. Верочка сидела у изголовья, гладила его по русым волосам. Ее настолько напичкали успокоительными лекарствами, что она не плакала. Смотрела на сына сухим, колючим взглядом. Ее больное сердце не могло перенести такой боли. По ее телу прокатывались волны, внося в души присутствующих страх, оттого что она может умереть. Рассвет нес новые заботы и боль. Верочка передвигалась, как зомби. Она ни на что и ни на кого не реагировала. Шла за гробом, держась за Таню. Из толпы провожающих донеслось:

- Как же Таня справится с сестрой, ведь чтобы ее вывести из этого состояния, необходимо забросить все и быть рядом, а у нее работа и сын Гриша.

- Справится - ответил мужской голос ,- она сильная. Лишь бы Вера не запила, а то у нее есть склонность заглушать горе. Как говорится, пьет редко, но метко.

После похорон Володи Таня забрала Верочку к себе. Они даже спали на одной кровати. Вера оформила пенсию по старости и работала только на даче. Как-то она предложила сестре:

- Танюш, давай купим цыплят, я буду за ними ухаживать. К осени будет свое диетическое мясо. Хочешь, поросенка купим. Часть мяса положим в холодильник, сало посолим, тушенки, свойской колбасы сделаем. Помнишь, как мама делала? Какая вкуснятина была.

Таня слушала молча. Она была категорически против разведения живности, потому что понимала, выращивать поросенка трудно, делать это сестра будет только ради нее. Она сказала:

- Ты свое отработала, пенсия у тебя и у Саши хорошая. Думаю, хватит Вам денег и на мясо, и на картошку. Я бы на твоем месте, сестричка, продала дальнюю дачу. Помнишь, как ехали до дачи на рейсовом автобусе, наполненном людьми, как селедкой в бочке, автобус накренялся то вправо, то влево, того и смотри, что повалится на бок?

- Нет, Таня, я хочу, пока есть сила, себя занять работой и тебе помочь, так что ни о какой продаже дачи речи быть не может. Жизнь непредсказуемая, мало ли что… продашь – вот и деньги хоть на свадьбу, хоть… и она замолчала.

5.

Через несколько лет Верочка постепенно вроде бы смирилась со смертью сына. Таня была рядом с Верой, ведь жили они в одном доме, и ничто им не мешало увидеть друг друга в любое время суток. Гриша перешел в седьмой класс. Устные домашние задания он не делал: хватало того, что слушал на уроке объяснение учителя. Письменные задания делал сам. Учился хорошо. Увлекался игрой на барабане. Стучал дома по всему, что только могло издавать звук: ведра, кастрюли, ложки, алюминиевая посуда. В школе посещал кружок, где постигал вначале азы игры на барабане, а затем приобретал навыки барабанщика. После десятого класса мечтал

поступить в медицинский институт и быть хирургом. У них с мамой не было дачи, зато он ходил к тете Вере на городские дачи. Помогал копать, сажать на дачном участке своей крестной маме Вере. Некоторые дачники держали на дачах живность. Соседка Полина Ивановна завела козочку. Холила ее, пасла на хорошей клеверной полянке, поила теплой водой с разведенной пшеничной мукой. Рядом пас коз сосед. У него было их больше десятка. Был и племенной козел. Как-то козочка Роза заболела, хозяйка вызвала ветврача. Тот осмотрел козу и сообщил:

- Ваша Роза скоро станет мамой, да еще плюс ко всему она простыла. Ее хорошо было бы проколоть антибиотиками и витаминами, чтобы поддержать молодой организм.

Гриша присутствовал при первом осмотре Розы. И когда ветврач приходил делать козе уколы, Гриша всегда подходил к нему. Однажды он сказал:

- Может, я попробую сделать укол?

- А ты когда-нибудь делал?

- Да. На дачах много держат поросят, иногда они болеют, меня просят сделать укол, - ответил Гриша.

- Тогда сделай Розе при мне, я посмотрю, - сказал ветврач.

Гриша помыл с мылом руки, набрал в шприц лекарство, надел колпачок на иглу и отложил в сторонку. Затем взял вату, смочил в водке, обработал шерсть козы, кожу и медленно ввел лекарство, потерев ранку ваткой.

- Молодец, Гриша, я скажу хозяйке, что остальные уколы будешь делать ты, ведь у меня совершенно нет времени ходить и делать уколы, но врачебный долг не позволяет отказаться.

Гриша сделал последние уколы, коза выздоровела и окотила двух девочек-козочек.

- Спасибо тебе, Гриша, благодаря твоей помощи моя козочка осталась жива, да еще и окотилась,- подавая литровую банку молока,- говорила соседка,- угощайся и маму угости, да не забудь сказать от меня ей спасибо за твое хорошее воспитание.

Гриша подал маме молоко и в дружественно-юмористической форме сообщил:

- Если бы не было такого хорошего мальчика как я, - сказала Полина Ивановна, - то и добро некому было бы сделать, и коза могла бы умереть . А то жива коза, есть козье молоко и плюс две козочки.

Татьяна улыбнулась на шутливый тон пересказа разговора соседки с сыном, но потом серьезно добавила:

- Гриша, если ты станешь врачом, то каждый день с утра до вечера должен будешь жить не своей жизнью, а в первую очередь жизнью тех людей, кто будет нуждаться в твоей помощи. Пора, сынок, больше внимания уделять учебе. От твоих знаний, умений будет зависеть жизнь твоих пациентов.

Семиклассник Гриша согласился с мамой и произнес:

-Мам, мне в аптеке не дадут обезболивающее средство, а у меня завтра намечается серьезная операция. Не могла бы ты купить?

- Могу, - ответила мать, - но я должна знать, что это пойдет во благо тому, кого ты хочешь прооперировать.

- Мама, обещай, что когда я тебе покажу, кого буду оперировать, ты мне не откажешь в помощи? Зайди в ванну, больной там.

Татьяну захватил интерес. Она пошла, посмотреть, кто там. Включила свет и увидела в ванне в воде раненого ужа.

- Ой - ой - ой! - раздался мамин крик. И уже потом Гриша услышал:

- Сыночек, как же ты его поймал? Кто его обидел? Почему его кожа вся в ранках? Что ты с ним хочешь делать?

Гриша не успевал вставить слово, дать ответ на первый поставленный вопрос, как мама, не получив от него ответа, задавала другой вопрос. Наконец-то он смог ответить:

- Мам, ужи не кусаются, только могут обжечь кожу, но это проходит. Я ему хочу сделать операцию под наркозом. Мне тоже интересно, останется ли он в живых?

- Гриша, я завтра принесу тебе обезболивающее средство. Если это тебе интересно, я тебе мешать не стану, работай.

Так с благословения мамы Гриша стал делать операции с обезболивающими средствами на животных.

Однажды у семиклассника Гриши произошла встреча с молодым человеком. Его звали Юрием. Он занимался тем же видом спорта, что и Гриша, но часом позже вешал свои вещи в Гришин шкаф. В течение некоторого времени они здоровались и обменивались своими успехами в спортивном деле. Гриша приходил домой, делился с бабушкой тем, что ему нравится Юра.

- Вот бы маму с ним познакомить, - сказал он Марии Петровне. - Хорошо было бы, если бы они понравились друг другу и поженились.

-Вначале надо тебе поговорить с ним, может, он женат или девушка есть,- посоветовала внуку бабушка.

Гриша рассказал своему новому знакомому, что он живет с мамой и бабушкой. Мама с папой давно в разводе. Мама работает учителем русского языка и литературы в школе. Постоянно занята и никуда не ходит.

- Хочешь, Юра, я тебя познакомлю с ней?

- А вдруг она мне не понравится? Что тогда делать?

- Знаешь, Юра, мама- то тебе понравится, а вот ты вряд ли, что тогда делать, я не знаю.

- Ты что, Гриша, обиделся. Просто ты еще маленький. В жизни взрослых всякое бывает.

После этого разговора Гриша сторонился Юрия. И жалел о затеянном разговоре, но присматривался к нему, и в душе ребенка крепло желание познакомить понравившегося ему Юрия с мамой. Тот же был шокирован ответом Гриши. У него бунтовало задетое самолюбие. Он негодовал:

- Я молодой, неженатый, а Татьяна с ребенком. Не могу я ей не понравиться. Еще как вцепится в работящего, трезвого парня на пять лет моложе.

Шло время, они обоюдно пришли к мнению - надо знакомиться. Гриша сообщил об этом бабушке. Мария Петровна попросила внука, чтобы она Юру увидела первой.

- Давай, я к тебе приду, ты мне его покажешь. А то может быть нет смысла маму вводить в заблуждение, - сказала бабушка.

Когда Мария Петровна увидела Юру, то визуально он ей не понравился. Она так дома и сказала Грише:

- Какой-то он маленький, беленький, глазки голубенькие – блеклый. Может не понравиться Тане, хотя она смотрит на душевность и порядочность. Знакомь.

Тане Юрий, не только не понравился, но вызвал своим видом отторжение. Пшеничные волосы, небесного цвета глубоко посаженные глаза, средний рост, худенький молодой человек, да еще с дефектом речи, привел Татьяну Дмитриевну в бешенство. Зато Мария Петровна сделала заключение:

- Эх, дочь, ты не права. Шел к тебе на свидание, видит, валяется пустая бутылка из-под пива, поднял и принес в дом. Мне сказал, чтобы сдала. Бережливый. С Гришей подружился.

Маме и Грише Таня сказала:

- Мне он не нужен.

Но обижать Юрия не хотела, думала, что ему надоест ее безразличие к нему и он отступит. Но не тут-то было. Это его только подзадоривало. С Гришей они были, не разлей вода, к тому же он уважительно относился к Марии Петровне.

После занятий Гриша иногда приводил Юрия домой. Татьяна старалась в это время занять себя, чтобы с ним не общаться. Не реагируя на его знаки внимания, она проверяла тет-

ради, писала планы к урокам, читала программные произведения. Юра в это время беседовал с Марией Петровной.

- Юра, а ты откуда родом?

- В Дмитриевском районе есть деревня Тимофеевка. Там я родился. Жил с мамой, папой, бабушкой и сестрой, - отвечал он.

- А служил где?

- Мария Петровна, я не служил. Закончил восьмилетку и поступил в сельскохозяйственное училище на тракториста. После учебы приехал в свой колхоз, мне дали трактор. У меня в соседней деревне была девочка. Однажды я утром вернулся со свидания и сразу пошел на работу. Монотонная пахота сморила меня, и я решил полчасика поспать. Заглушил двигатель, и тут же заснул. В это время на мотоцикле проезжал бригадир тракторной бригады. Видит, стоит трактор, подъехал, а я сплю. Вытащил он меня из кабины и стал бить, приговаривая:

- На работе работают, а не спят. Если тебя не воспитали отец с матерью, то придется воспитать мне тебя.

- Когда я упал, он ударил меня ногой, сел на мотоцикл и уехал. Сколько я лежал без сознания - не знаю. Пришел в себя, бросил трактор в поле и пошел пешком домой. Бабушке с родителями я побоялся показываться, поэтому пошел к двоюродному брату, который жил по соседству. Ему я рассказал обо всем, что со мною произошло. Он оставил меня у себя дома, сказав, что вечером поговорит с бригадиром. Вечерело. Мы с братом пошли ко мне на работу. Рабочие расходились по домам. В вагончике остался один бригадир. Мы с братом зашли в вагончик. Брат, ничего не говоря, схватил монтировку и ею несколько раз ударил бригадира по голове. Нас никто не видел. Но в деревне шило в мешке не утаишь. Бригадира на следующее утро с проломленным черепом в вагончике на полу нашли трактористы. Отправили в больницу. Он выжил, но стал инвалидом первой группы. На суде я сказал, что был один, потому что у брата было трое детей, и я не мог допустить, чтобы его из-за меня посадили. Мне дали семь лет. Отсидел я их от звонка до звонка.

- А что ж у тебя наколок нет? - спросила Мария Петровна.

- У меня чистое тело, я никогда не делал наколок. Да и не наколки у меня были на уме. В тюрьме я получил специальность кузнеца. Много читал, закончил техникум. Пока я сидел, сестра познакомилась с каким-то командировочным и забеременела. Оказалось, двойня. Она сделала искусственные роды. Замуж так и не вышла. Работает маляром в строительной организации, но так как у нее хороший почерк и она грамотная и служила в армии, ее на несколько месяцев в году забирают в военкомат в качестве технического работника - оформлять документы на призывников. Когда я вернулся, бабушка уже умерла. Сестра работала в Железногорске. Я приехал к ней. Город мне понравился - молодой, зеленый. Сходил в отдел кадров Михайловского ГОКа. Меня приняли кузнецом и дали комнату в общежитии. Зарплата у меня, как у шахтера, хорошая. Никогда не был женат. Детей у меня нет. Не пью, не курю, а вот Татьяне Дмитриевне не приглянулся. Она меня избегает.

- А где же сейчас твои родители?

- Мама умерла, а папа работает в колхозе трактористом, - произнес Юрий и долго смотрел на Марию Петровну.

- Ох - хо - ха… судьба у тебя не из легких, ты пока Грише с Таней не говори, что сидел. Отношений все равно нет, а если узнают правду, никогда Таня не захочет быть с тобой.

- Мария Петровна, Татьяна мне очень понравилась. Помогите мне добиться хотя бы хорошего ее расположения ко мне.

- Юра, я постараюсь тебе помочь, но обещай мне, что не обидишь Таню.

Юра дал согласие. А в соседней комнате разговаривали сестрички.

- Вчера был сильный ураганный ветер с ливневым дождем. Были поломаны деревья, повреждены крыши дачных домов, сломана рассада помидоров, перца, капусты. Лук и мор-

ковь замуровало мусором, который гнала дождевая лавина. Сегодня будет жаркий день, с утра парит. Какое-то томление, у меня воздуху не хватает, дышать нечем,- говорила Верочка Татьяне.

- Сестричка, - сказала Таня, а я хотела тебе предложить поехать за земляникой.

- Нет. Клубника поспела, но что там после такого дождя осталось, не знаю. Пойду на дачу, может, что соберу. А ты поезжай. Нарвешь – хорошо, не нарвешь – отдохнешь. Я с Сашей купила три литровых банки. Полакомились, а два литра заморозили.

- Тогда я буду собираться, а то скоро за мною заедут.

В это время за окном раздался сигнал машины. Таня надела спортивный костюм, кроссовки, кепку, взяла бидон и произнесла:

- До вечера.

- Удачи, - сказала Вера.

В машине были Танины коллеги – учителя по русскому языку и шофер.

- Одна? - спросил шофер.

- Да, - ответила Таня.

- Запрыгивай, - произнес шофер.

Татьяна села на свободное заднее сидение, машина плавно тронулась, шурша колесами, подминая выкрошенные куски из выбитой шоссейной дороги. Ехали в сторону Дмитриева. Монтеры подлатали выбоины так, что разогнаться было нельзя. От жары дорога полопалась и «стала на дыбы», как «лежачий полицай», который кладут для снижения скорости. Водитель ругал и мэра, и руководителей, отвечающих за содержание федеральной трассы. Татьяна сидела и смотрела на красоту насаждений по обе стороны дороги, которые образовали зеленый коридор. Поля были засеяны подсолнечником, гречихой, горохом, радовали своим видом не только глаз, но и душу. Тане показалось, что с тех пор, как она с родителями переехала жить в Железногорск, в жизни селян ничего не изменилось. Подъехали к станции «Арбузово».

- А мы поедем направо? - спросила Татьяна шофера.

- А что? Нужно направо?

- Если поехать направо, то километров через десять будет место, где когда-то был поселок Самара. Там я родилась.

- Нет, Татьяна Дмитриевна, мы прямо едем к деревне Береза.

- Туда, где водозабор нашего города? - уточнила Татьяна.

- Да, - ответил шофер, съезжая с федеральной трассы на местную шоссейную дорогу.

Машина покатилась плавно, как большой корабль по глади воды.

- Вот это дорога, душа радуется, - гомонил шофер. Что тут можно сказать кроме, как спасибо. За такую дорогу и деньги платить не жалко, не езда, а удовольствие.

Проехали здание водозабора и повернули на грунтовую дорогу по направлению к лесу. Земляника уже отошла, и лишь изредка привлекали взор Тани в траве веточки земляники, усеянные крупной перезревшей ягодой. Тане все- таки удалось набрать немного земляники. Во второй половине дня вернулись домой, и первый раз за несколько лет Татьяна спала безмятежным, как в детстве, сном. Спустя два-три часа Татьяна проснулась, достала из холодильника землянику, помыла, положила маме и Грише на тарелки.

- А сама - то ты съела?- полюбопытствовала мама. Помогай мне.

- Я кушала в лесу, когда рвала, - сказала дочь маме. - Ты ешь, ешь. Я и Грише оставила.

- Вкусная ягода, недаром говорят: если в сезон съесть два стакана земляники, то витаминов в организме хватит на целый год, - лакомилась земляникой и одновременно говорила Мария Петровна.

Таня слушала маму и вспоминала, как ее коллеги в машине ели землянику.

- Съешь, Таня, хотя бы ягодку. В лесу ни одной не положила в рот.

- Ее и так мало маме и сыну.

- Да брось ты, съешь, все равно дети вырастают и родители им не нужны.

- Это будет или не будет с моим сыном, увижу, а сейчас, кроме меня, о них заботиться некому. Кто знает, вырастет мой Гриша и принесет земляники, тогда я с удовольствием съем и пойму, что не зря беспокоилась о нем и баловала его.

- Ну как знаешь, твоему упрямству нет предела, - недовольно сказала одна из них.

Мама отложила ложку и ела землянику рукой, причмокивая и повторяя свои мысли вслух о вкусноте и пользе земляники, нарушая воспоминания дочери.

- Что значит зрелая земляника, во рту тает, без сахара сладкая. Всю съела,- сообщила она дочери.

Таня принесла влажное полотенце, подала маме, чтобы она протерла руку, забрала пустую тарелку и хотела отнести ее на кухню, но услышала голос мамы:

- Присядь, доченька, мне с тобой поговорить надо.

- О чем? – спросила дочь.

- Таня, ты бы пригляделась к Юре. Чем он тебе не по нраву? Работящий парень, зарабатывает много, непьющий. К Грише относится хорошо. Тебя сегодня не было, а он мне конфет принес.

От неожиданно поднятой мамой темы, Таня вспыхнула, впервые забулькатило, вылезло негодование, но поборов себя, она ответила маме сдержанно:

- К тебе приходил, тебе конфет принес, а я причем? Что вы с Гришей «клеите» его ко мне?

- Э - э - х, доченька, не скажи. Когда есть опора и материальная помощь от мужа, жене легче жить. Гриша растет, его надо обувать, одевать, учить, а что мы можем с тобой купить на мою пенсию и твою мизерную зарплату? Женщина может любить не только за красоту, но и за доброе к себе отношение. Стерпится - слюбится.

Успокаивая мать, Таня сказала:

- Хорошо, мамуль, я присмотрюсь к нему. Может быть и правда стерпится, с любится. Хотя в моей учительской практике был случай, когда мама моей ученицы Маши устраивала свою жизнь, желая выйти замуж по любви, да еще, чтобы муж не обижал ее девочку. Одному Богу известно, как страдал ребенок.

6.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.